

НАТАЛИЯ ЗАБИЛА
ВЕСЁЛЫЕ ДРУЗЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

НАТАЛИЯ ЗАБИЛА

ВЕСЁЛЫЕ ДРУЗЬЯ

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Перевод с украинского
Елены Благиной

Рисунки
Л. Гармызы

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

ПЕТРИК И ЗАЙЧИК

Может быть, это и был тот самый зайчик, о котором поётся в песенке:

«Росла в лесочке ёлочка.

И зайчик с нею рос».

Так вот, этот самый зайчик выскочил из молодых посадок — из-под сосенок-ёлочек. Белый весь — в зимней шубке. Выбежал на дорогу и присел на задние лапки. Сидит, смотрит в разные стороны.

Тут Петрик и увидел этого самого зайчика.

Петрик в это время гулял во дворе. Он был в тёплом колушке и шапке-ушанке. Гулял он, гулял да и подошёл к калитке. Приотворил её и остановился, дальше не пошёл. Мама не позволяет выходить на дорогу, потому что они хоть и на самом краю посёлка живут, а всё-таки нет-нет да и пройдёт машина. Поэтому детям лучше не выбегать на дорогу. Ведь и у калитки можно постоять: поглядеть, нет ли чего интересного.

Вот Петрик и стоит поглядывает. Смотрит: по ту сторону дороги — зайчик! Петрик глядит на зайчика, зайчик на Петрика, и ничуть не боятся.

— Зайчик! — сказал Петрик. — Ты зачем сюда прискакал? Может, свою ёлочку разыскиваешь?

Зайчик ничего не ответил, сидит смотрит.

— Зайчик, ты, может, думаешь, твою ёлочку взял Дед Мороз? — спросил Петрик. — А вот и нет! Совсем не Дед Мороз, а мой дедушка. У нас сегодня Новый год. Твоя ёлочка стоит в комнате, и на ней всякие разные игрушки. Хочешь, покажу?

А зайчик ничего не отвечает.

— Ну иди же, иди сюда! — позвал его Петрик и даже рукой поманил.

Тут зайчик как встрепенётся да как задаст стрекача.

Он не понял, что Петрик его к себе в гости зовёт, и испугался. Такой несмышлёный этот зайчик!

Петрик побежал домой и говорит маме:

— А я зайчика видел! Он свою ёлочку искал. Я его звал-звал к нам в гости, а он не захотел.

— Да он не ёлочку искал, — сказала мама, — он хотел на нашем огороде капустных листьев раздобыть. А может, и кору погрызть на молодых яблоньках. Хорошо, что ты его спугнул, а то бы он наделал беды!

Может, и правда так, как говорит мама. Но тогда выходит, что зайцы вредные! Нет, наверно, не все! Наверно, этот зайчик хороший. Жалко, что он не захотел поглядеть на свою ёлочку!

А ёлочка и впрямь была хороша!

Она стояла в углу и вся так и сверкала от разных украшений.

Вечером, когда стемнело, мама включила свет и на ёлочке загорелись огоньки: красные, зелёные, жёлтые — разные-разные. И все игрушки засверкали ещё пуще.

К Петрику пришли друзья — соседские мальчики и девочки. Они прыгали-скакали около ёлочки и распевали песенку:

— Ёлочка, ёлочка,
Ясные огни!
Как переливаются
На тебе они...

В лесу играют зайчики,
Водят хоровод.
А мы у нашей ёлочки
Встречаем Новый год!

Потом мама дала всем конфет, орехов и румяных яблочек с ёлки. Все начали есть, и поэтому в комнате сделалось тихо.

Как вдруг кто-то стукнул в окошко. Петрик подбежал, посмотрел — ничего не видно, темнота.

— Это, наверно, ветер, — сказала мама, — это, наверно, ветер дунул и стукнул в стекло сиреневой веткой.

А может, всё-таки не ветер?

Может, это зайчик осмелел и прибежал поглядеть-полюбоваться на свою ёлочку?

ПОДАРОК

Вот и опять наступает мамин праздник! Нужно готовить подарок. А какой? Можно нарисовать и подарить картинку, как в прошлом году. Только в прошлом году Петрик был ещё маленький и рисовать не умел. Потому и картинка его была такая неудачная. Зато теперь он сможет нарисовать ого как!

Что ж, рисовать так рисовать — надо браться за работу.

Вот взял Петрик чистый лист бумаги, цветные карандаши и простой карандаш, сел к столу у окна и начал думать: что бы такое нарисовать?

Пароход! Или грузовик? Или космический корабль?

Нет, мама ведь не мальчик — ей всё это, может быть, неинтересно. Тогда, может, цветок? Нет, Петрику неинтересно рисовать цветок. А что ж ещё?

Положил Петрик голову на руки, задумался. А в это время вдруг кто-то стук-стук-стук в оконце! Кто там?

Петрик поднял голову, поглядел. А это маленькая белочка сидит за окошком. Обыкновенная белочка-сероспинка, а хвостик рыжий, пушистый.

Петрик не удивился. Ведь их дом самый крайний в посёлке, сразу за садом — лес. А в лесу — белки. Они часто забегают в сад, особенно осенью. Совсем не пуганные, потому что кто ж их тут пугает? Мама и Петрик только любят ими, а Тузик не достанет — он сидит на цепи.

Но ведь теперь не лето и не осень — зима.

— Белочка, белочка, — сказал Петрик, — что это ты прискакала? Зимой тебе надо спать в дупле, в гнёздышке — в тепле.

— Хочу сплю, хочу гуляю, — говорит белочка. — Смотри, какая

славная погода. Уже настаёт весна, снег подтаивает. Почему бы мне не подышать свежим воздухом?! А ты что делаешь? Почему дома сидишь?

— Понимаешь, белочка, послезавтра мамин праздник. Надо что-нибудь подарить. А я не знаю, что нарисовать.

— А какой праздник? День рождения?

— Да нет, Восьмое марта — праздник всех-всех мам. Иль ты не знаешь? — удивился Петрик.

— Первый раз слышу, — говорит белочка, — в прошлом году в марте меня ещё и на свете-то не было! Откуда ж мне знать!

Тут ей Петрик всё как следует рассказал: какой это праздник и как все дети своим мамам, бабушкам и даже старшим сёстрам, у кого они есть, в этот день делают подарки. Кто цветы, кто картинки. А кто коробочки клеит или вышивает что-нибудь.

Белочка помолчала, подумала и говорит:

— А у меня тоже есть мама!

— Ну и что же?

— А то, что и я хочу сделать ей подарок. Или зверятам нельзя?

— Почему же нельзя? Конечно, можно! А что ты подаришь?

— Не знаю... Рисовать я не умею. Вышивать тоже. Цветов сейчас нету ни в саду, ни в лесу... Ага, придумала! — обрадовалась белочка. — Вместо цветов можно нарвать золотые листья!

Мигом метнулась белочка в тот уголок сада, где рос молоденький дубок. Он был весь покрыт жёлтыми листьями, которые не опадают целую зиму. Поэтому его так и зовут — дуб-зимовик. Нарвала белочка большущий букет из листьев и опять прискакала к Петрикову окну — похвалиться.

— Ой, — сказал Петрик, — какие листья чудесные и ты сама такая расчудесная с этим букетом! Посиди минутку, я тебя нарисую!

Потянулся Петрик за бумагой, за карандашами... А когда опять поглядел в окно — что это? — нету белочки. Куда девалась?

«Ничего, — сказал сам себе Петрик, — я и без неё — по памяти нарисую». И стал рисовать.

До самого вечера рисовал.

И какая же у него предивная картинка получилась! Вот посмотрите: белочка своей маме несёт подарок, большой букет золотых листьев.

Белочкиной маме, наверно, понравится букет, а Петриковой маме — картинка!

ДЕРЕВЯННЫЙ БЫЧОК

Валя была очень хорошая девочка. У неё было много игрушек. И она обращалась с ними совсем не так, как некоторые другие дети. Игрушки у неё были всегда целые — не поломаны, не раскиданы по всей комнате. Всё было аккуратно в Валином уголке: кукла сидела на маленьком стульчике или дремала в постельке. Кубики сложены красивой пирамидкой. Лошадка стояла у стены, и хвост у неё был целый — не выдранный,

как у тех несчастных лошадок, что попали в руки некоторым другим детям.

Даже мячик знал своё место — не закатывался под диван или под шкаф, где бывают иногда пыль и сор.

И когда Валя уходила в детский сад, она всегда смотрела, всё ли в порядке. Такая была аккуратная эта девочка Валя.

А ещё у Вали был котёнок — рыженький, пушистый, ласковый. Все думали, это очень хороший котёнок. А на самом деле он был страшный разбойник и забияка.

Как только Валя уходила в детский сад, котёнок мигом пробирался в комнату и скок-скок к игрушкам. И начиналась потеха!

Кубики с грохотом обрушивались вниз и разлетались по всей комнате. Лошадка опрокидывалась на бок и уже не могла подняться, как ни старалась. Кукла плакала, потому что боялась испачкать своё нарядное платьице. Ведь она была такая же чистюля, как её хозяйка Валя. Но котёнок не обращал на её плач никакого внимания. Ведь куклы не умеют плакать громко и слёз у них не бывает.

Но больше всего доставалось мячику. Он скакал от забияки по всей комнате, а котёнок носился следом и не утихомиривался,

пока не загонял его под диван или шкаф, где бывают иногда пыль и мусор. И так сорванец бушевал до тех пор, пока не приходила Валя.

— Ах ты безобразник! — говорила она, собирая раскиданные игрушки. — Как тебе не стыдно?! Вот подожди, они тебе когда-нибудь покажут, как над ними издеваться!

Но котёнок становился тихим и смирным и, ласкаясь к Вале, мурлыкал:

«И ничего не покажут! И совсем я их не боюсь! Ведь они, игрушки, неживые — ничего мне сделать не могут. И я буду опять их раскидывать, когда ты завтра уйдёшь в детский сад. А ты на меня не ворчи, пр-р-риласкай, пр-р-риголубь!..»

Но Валя не понимала кошачьего разговора. Ей казалось, что котёнок мурлыкает:

«Пр-р-ости меня, пр-р-ости! Я больше не буду».

И тогда Валя брала его на руки, и гладила, и почёсывала за ушками, хотя, по правде сказать, не стоило бы ласкать такого разбойника.

Однажды Вале подарили новую игрушку. Это был такой потешный деревянный бычок — большеголовый, толстоногий и с хвостиком. Когда его ставили на покатую дощечку, бычок, переставляя деревянные ножки, шёл себе вниз — по доске и дальше — по полу. Да ещё и покачивался, и помахивал коротким хвостиком.

— Живой! Живой! — весело кричала Валя и всплёскивала руками, а игрушки с удивлением поглядывали на своего нового товарища.

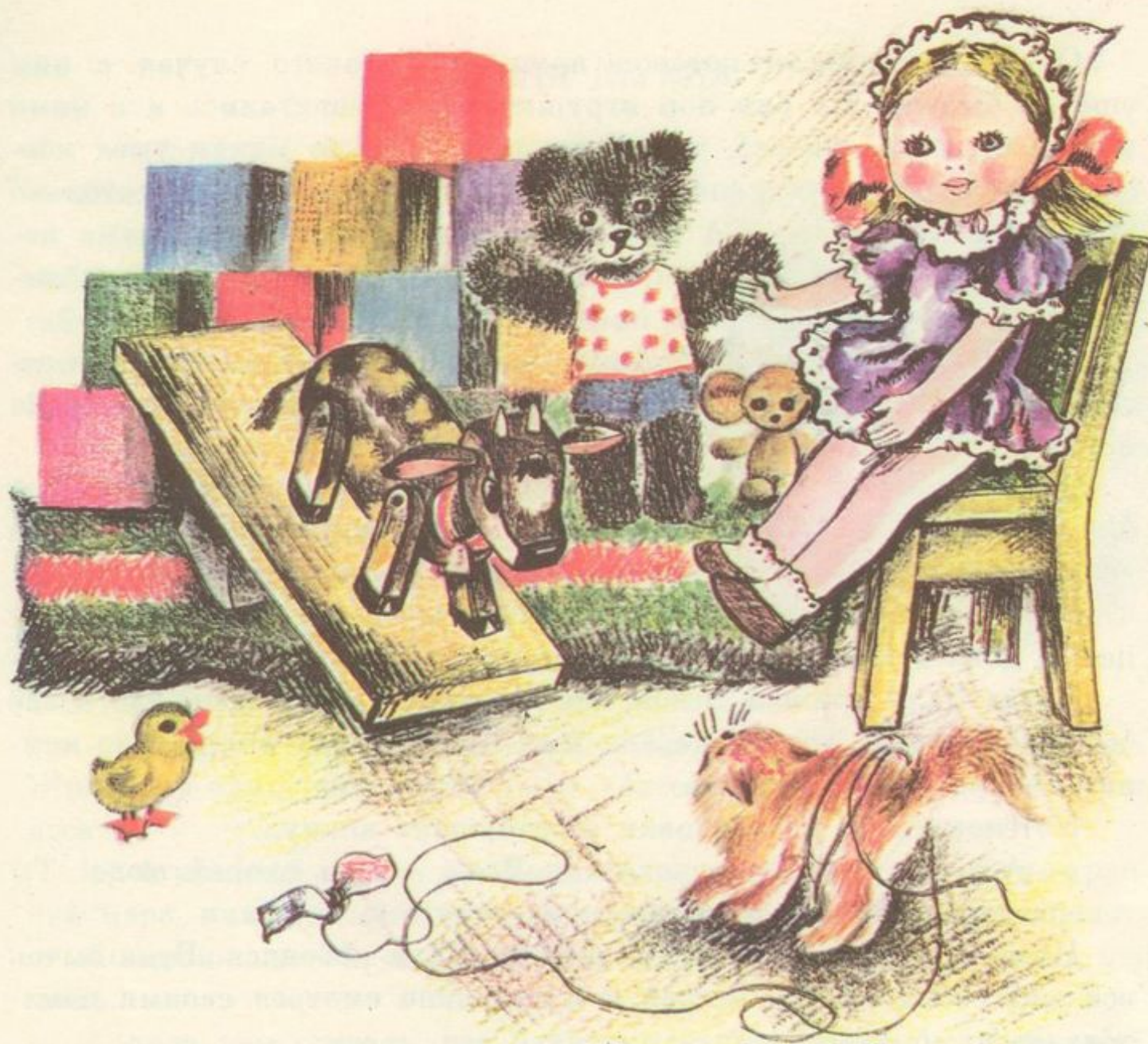
А котёнка в это время не было дома. Он гулял где-то на приволье. А может быть, охотился за мышкой, которая жила в кладовке.

Но утром, когда Валя ушла в детский сад, он уж тут как тут — опять забрался в комнату.

«Ой, — застонала кукла, — опять этот противный зверюга начнёт таскать меня за волосы и швырять на пол!»

«А меня опрокинет набок!» — заржала лошадка.

«А нас раскидает!» — затарахтели кубики.

«А меня закатит под диван!» — жалобно запищал мячик.

Только деревянный бычок молча стоял на доске и ничего не говорил, потому что он никогда ещё не встречался с котятами.

«Э-э-э, — мяукнул котёнок, подсакивая к игрушкам, — да тут новенький! Ну-ка, посмотрим, что это за штучка!»

Недолго думая котёнок подскочил к бычку и слегка ударил его мягкой лапкой. И тотчас же деревянный бычок тронулся с места и, переступая толстыми ножками, пошёл вниз по доске прямо навстречу забияке.

От неожиданности котёнок попятился. Такого случая с ним ещё не бывало! До сих пор игрушки не передвигались и с ними можно было делать всё, что вздумается. Только мячик умел кое-как бегать, но и тот спешил куда-нибудь скрыться, как только до него дотрагивались. А этот деревянный бычок шёл прямо навстречу и ничего не боялся!.. Вот он уже сошёл с доски и, неловко покачнувшись, пошёл по полу.

Котёнок отскочил ещё дальше. Бычок шёл за ним. Котёнок отскочил к самым дверям. Но бычок не остановился и шёл прямо на него.

Тогда котёнок совсем растерялся и, не помня себя от страха, бросился бежать. Он выскочил из комнаты, опрометью перебежал через сени, залез в кладовку — и забился в самый тёмный уголок, чтобы не попасться на глаза неожиданному врагу. Так и просидел целый день в кладовке.

Когда Валя пришла домой, все игрушки сидели спокойно и всё было в порядке. Только деревянный бычок стоял посередине комнаты — против дверей.

Котёнок вылез из кладовки и осторожно вякнул.

— А-а, это ты? — обрадовалась Валя. — Иди скорей сюда! Ты теперь хороший — не трогаешь моих игрушек.

Но котёнок заглянул в комнату, а войти побоялся. Ведь бычок всё ещё стоял против дверей и пристально смотрел своими намаляванными, большими глазами.

БЕЛАЯ ШУБКА

Жил да был зайчик.

Обыкновенно всех зайчиков зовут либо Попрыгайчиками, либо Побегайчиками. А этот был просто-напросто хвастун, и поэтому все его звали Зайчишка-Хвастунишка.

Вот соберёт он вокруг себя стайку зайчат и давай выхваляться:

— Я самый умный! Я самый ловкий! Бегаю прytче всех, прыгаю выше всех!

Слушали, слушали его зайчата, а потом и говорят:

— Надоели нам твои похвальбы! Не хотим мы с тобой водиться. Живи тут один, как знаешь! — и убежали от него на другой край леса.

— А мне ещё лучше, — говорит Хвастунишка, — теперь, по крайней мере, никто меня с вами, с серой мелкотой, не спутает!

Построил он себе избушку под зелёным кустиком и стал в ней жить.

А надо вам сказать, что зайчик этот был совсем молоденький. Он только этой весной родился и не знал, что после весны да лета наступает осень, а после осени — зима. Многого он не знал, а думал, что всё знает, и был собою очень доволен.

Одно только не нравилось зайчику — его шубка. Чего ради она такая серенькая да неказистая? Пока было лето и всё кругом зеленело, зайчик кой-как отличался от травы и кустов. Но вот началась осень. Всё в лесу пожухло, посерело. Трава увяла, листья облетели — одни только серые веточки торчат. Выйдет утречком зайчик из хаты, крикнет белочке:

— Эй, посмотри, какой я стал толстый да пушистый! Всех зайцев толще! Всех зайцев пушистей!

А белочка с высокого дуба отвечает:

— Ничего не вижу! Ты в своей серой шубке совсем неприметен среди сухих листьев и вялой травы!

Ох, как зайчику было тошно слушать такие речи! Он же хотел, чтоб все его видели, все им любовались.

Тем временем становилось всё холоднее. Наступала зима. Только зайчик про это ничего не знал, даже не догадывался.

И вот однажды проснулся утречком зайчик, поглядел в зеркальце, чтоб усы подкрутить, да так и замер от удивления: вместо серой неказистой одёжки на нём была новая шубка, белая-белая, да блестящая такая!

От радости зайчик подпрыгнул чуть не до потолка и запел во всё горло:

— Что за шубка! Вот так диво!
До чего же мягкий мех!
Как бела и как красива!..
Я теперь нарядней всех!

Опрометью выскочил зайчик из хатки, чтоб поскорее похвалиться перед белочкой, перед ёжиком и перед лесными птишками своею новою шубкой. Теперь каждый его увидит даже издалека!

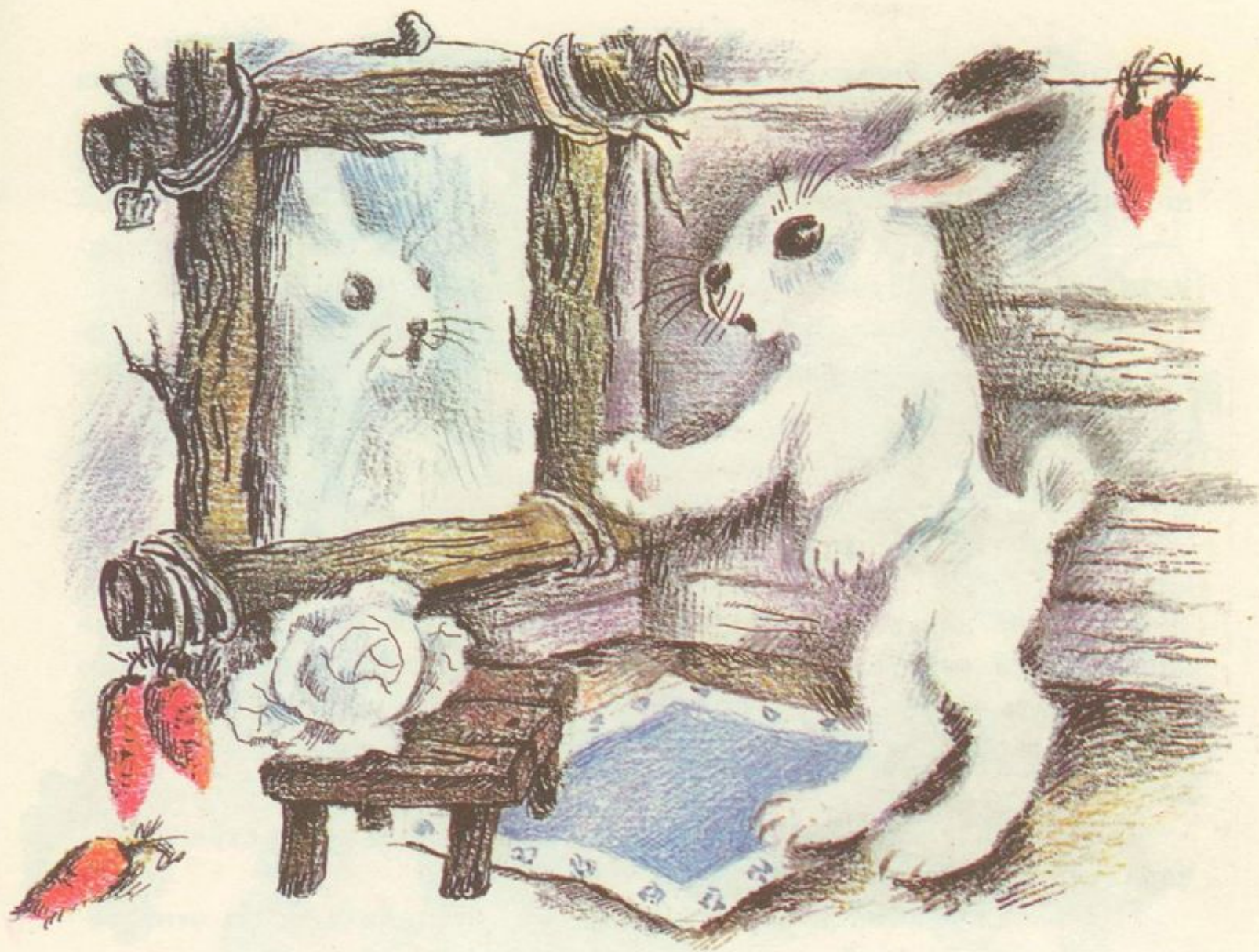
Но что это с лесом? Всё кругом белое — земля, кусты, деревья. И всё блестит на солнце так же, как и новая зайчикова шубка. Ночью выпал снег, вы это, конечно, сразу поняли. Но Зайчишка-Хвастунишка ничего не понял, потому что он сроду не видел снега.

Прыгнул зайчик туда, прыгнул сюда — всюду всё бело: земля бела, кусты белы, деревья белы.

— Белочка, белочка! — крикнул зайчик совсем не так задорно, как всегда. — Посмотри, белочка, какая у меня новая шубка!

А белочка выглянула из своего дупла на высоком дубу и говорит:

— Ничего не вижу! Разве тут разберёшь — где твоя белая шубка, а где белый снег?

И правда, зайчика нелегко было увидеть среди снега.

Загрустил Хвастунишка. Не хочет даже из хатки выходить. Всё равно никто его не замечает. Для чего тогда эта нарядная шубка, если ею нельзя похвалиться?

А зима ещё не совсем установилась. Снова пригрело солнышко, и первый снег растаял, словно его и не бывало. И опять стало всё серое, чёрное, рыжее — и земля, и сухие листья, и трава.

Вот когда обрадовался Зайчишка-Хвастунишка! Вышел он в своей белой шубке, стал среди поляны — красуется: глядите, мол, добрые люди, каков я!

Белочка выглянула и лапками всплеснула:

— Ой, вижу! Вот шубка так шубка! А блестит — глазам больно.

Выглянул и ёжик из своей хатки. Он уж совсем было улёгся спать на зиму, а как солнце пригрело, захотелось ему ещё подышать свежим воздухом. Увидал он зайчика и только головой покачал:

— Хороша твоя шубка, что и говорить! Да не слишком ли приметна? — пробормотал он и опять спрятался и двери затворил.

Весёлый побежал Зайчишка-Хвастунишка по лесу. Бежит, подсакивает на бегу от радости и свою песню-похвалюшку распевает:

— Можно только понарошке
Не заметить мой наряд!
Всё равно — в такой одежке
Я нарядней всех зайчат!

Сидел на дереве старый чёрный ворон. Такой старый, что даже плохо видел от старости, а Хвастунишку сразу заметил. Как его не заметить — издалека видна белая шубка среди рыжих листьев.

— Кар-р-р! — каркнул ворон. — Давно не лакомился зайчатинкой!

Как услышал это Зайчишка-Хвастунишка, как задал стрекача — насилиу ноги унёс.

Прибежал зайчик к берегу речки, что протекала через этот лесок. Сел под берёзой, отдышался маленько и уже забыл про недавнюю напасть. Отряхнул свою белую шубку, приободрился и только было рот раскрыл, чтобы начать хвастаться, как новая беда уж тут как тут. Увидала его издалека лисица.

— Подождите, — говорит она лисятам, — я сейчас вот этого щёголя поймаю! — и начала тихонько к зайчишке подкрадываться.

Спасибо, веточка какая-то хрустнула, зайчик услышал, оглянулся, увидел лисицу — и драла! Бежал-бежал, петлял-петлял меж кустами, через весь лес пробежал и выскочил на опушку.

А тут прямо на него идёт охотник с ружьём.

— Ого, — говорит, — какой белячок! Будет моей доченьке хороший воротничок!

Да как прицелится! Как стрельнёт!

Зайчик с перепугу через голову перекувырнулся и сам уж не

помнит, как до хатки добежал. Затворил двери, упал на подстилку и трясётся. Не до похвальбы теперь ему!

— Ой, — говорит, — где моя старая серая шубка? Какая ж она была уютная — незаметная. В ней легко было от врагов укрываться!

Но старой шубки не было. Ничего не поделаешь, придётся в новой, белой ходить!..

Каждый из вас понимает, что зря зайчик горевал. Ведь на дворе была зима. Опять выпал снежок — теперь уже глубокий, и на долгие месяцы укрыл землю. Бегают зайчики по снегу, ничего не боятся. Никто его не видит.

«Пойду, — думает зайчик, — к другим зайчатам. Посоветую им тоже добыть такие белые шубки. Уж больно они удобны зимой!»

Побежал зайчик на другой край леса, нашёл зайчат, смотрит — а они все в белых шубках.

— Глядите, — кричат зайчата, — Зайчишка-Хвастунишка к нам вернулся!

А зайчик и говорит:

— Не зовите меня Хвастунишкой! Зовите Зайчиком-Побегайчиком. Я никогда, никогда не буду больше хвастаться! Я хочу с вами дружить!

Зайчата обрадовались, приняли его в свою стайку, и все вместе стали играть и распевать песенку:

— В белых шубках на снегу
Не приметить нас врагу!..
А наступит лето,
И появятся тотчас
Шубки серые у нас...
Вот как славно это!

И это правда так бывает у зайцев.

СКОК-ПОСКОК

В комнате было тихо. В уголке спокойно лежали, сидели и стояли разные игрушки: две куклы, мишка, грузовая машина и кубики. Они ничего не делали и даже не разговаривали меж собою.

Вдруг — что такое? — бум, бряк! — вкатился мячик и ну прыгать по полу. Прыгает и песню распевает:

— Я Скок-Поскок!
Мой красный бок,
Мой синий бок
Мелькает то и дело!
Лежать спокойно не привык!
Мне делать скок,
И скок, и прыг
Ничуть не надоело!

Эй, друзья! Что это у вас как тихо? — крикнул мячик и подкатился к игрушкам. — Разве вам не скучно так сидеть? Ну-ка, кто хочет со мной поиграть, попрыгать?

— Мы не умеем прыгать, — сказали две куклы, мишка, грузовая машина и кубики, — и нам это вовсе не к лицу!

— Вот как, — сказал мячик, — что ж, придётся мне поискать других товарищей — таких же весёлых, прытких и, главное, таких же круглых, как я! До свиданья!

Он подскочил чуть не до потолка, подкатился к дверям и выкатился на крылечко. А там, на крылечке, на длинной нитке был привязан воздушный шарик. Очень красивый был этот шарик — зелёный, прозрачный и блестящий. Он колыхался в воздухе, будто хотел улететь, но нитка его не пускала.

— Добрый день, шарик! — крикнул мяч. — Я вижу, ты такой же

блестящий и круглый, как и я. Хочешь со мной дружить, вместе прыгать-подскакивать?

И он подскочил так высоко, как только мог.

— Нет, — ответил шарик, — мы с тобой совсем разные, как же нам дружить? — И он заколыхался и запел:

— С земли подскакиваешь ты,
Но падаешь обратно,
А я с огромной высоты
Не падаю... Понятно?

Сквозь тучи, в солнечную даль
Лечу легко и прытко.
Взлетел бы и сейчас, да жаль —
Удерживает нитка!

Тут шарик заволновался ещё больше и от усердия так скрутил нитку, что нитка оборвалась. Шарик обрадовался и быстро поплыл вверх, вверх, вверх, пока не исчез где-то в вышине.

— Вот так так! — сказал мячик. — Был шарик — и нету! А мне такие фокусы ни к чему. Я люблю прыгать, а не летать.

И он запрыгал по ступенькам и выкатился в сад.

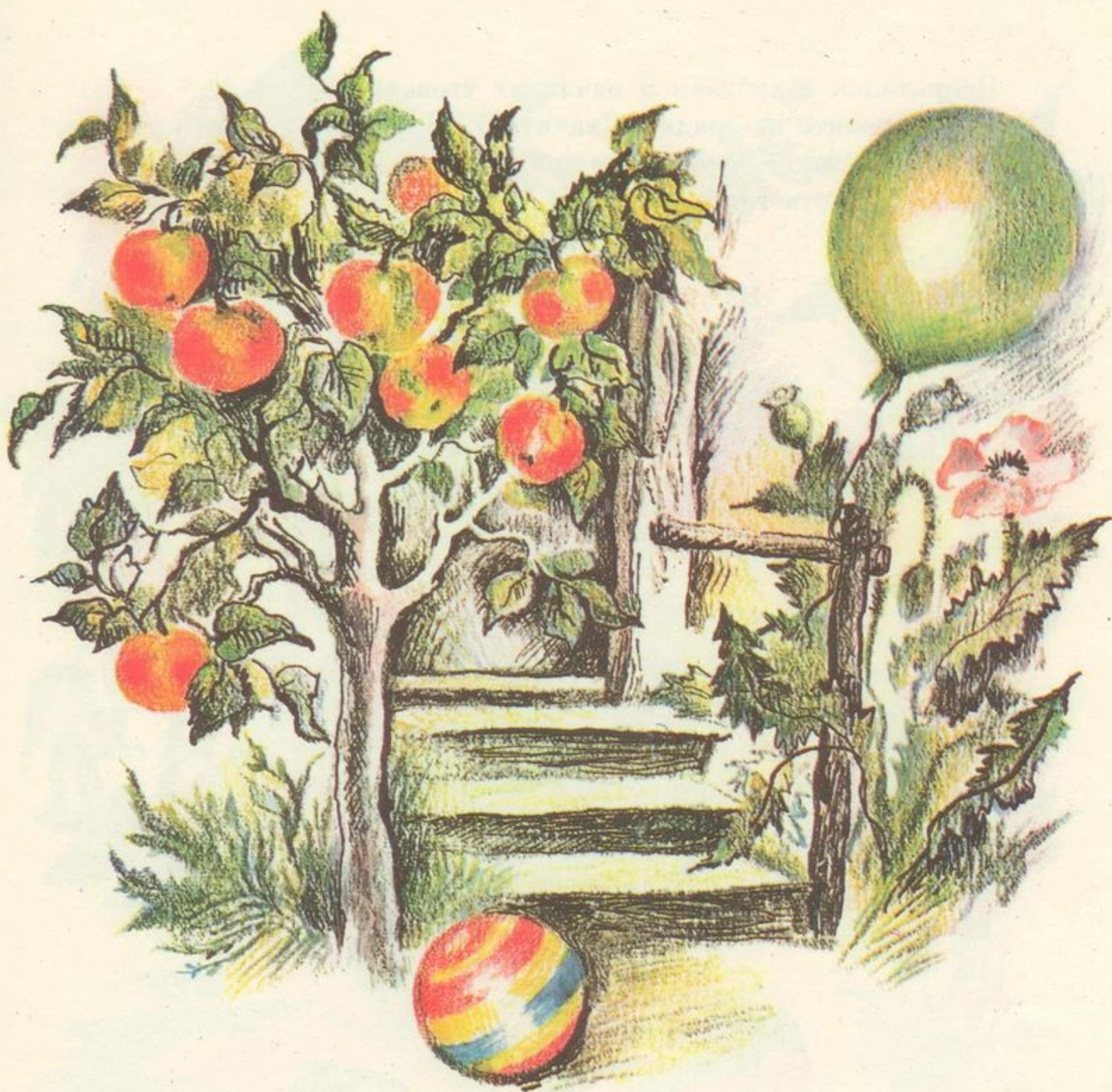
А в саду на яблоне висели крупные, румяные яблоки. Мячик сразу их увидел и подскакал к ним.

— Яблочки, яблочки! Прыгайте вниз, давайте вместе играть!

— Нет, — ответили яблочки, — нам совсем не хочется падать вниз и оббивать свои бока. Прыгай один!

А мы превесело живём
На дереве высоком.
Висим-живём и росы пьём,
Чтобы налиться соком.

Любовно солнце греет нас
И щёки нам румянит...
И прыгать с дерева сейчас
Никто нас не заманит!

— Ну что ж, не хотите, не надо, — сказал мячик и покатился дальше.

За садом над речкою был огород. И там на одной грядке мячик издалика увидел арбузы — большие, зелёные, полосатые, круглые арбузы. Они были как две капли воды похожи на мячики.

«Вот наконец-то подходящая мне компания», — подумал мячик.

Подкатился к арбузам и начал их уговаривать:

— Не лежите на грядке! Скачите, как я! Вы такие же круглые, как я, и блестящие, как я. Вы должны со мной дружить!

Но арбузы ответили:

— Мы арбузы-пузаны
Не годимся в прыгуны!
Налитые сладким соком,
Чёрных зёрнышек полны,
Мы ни низко, ни высоко
Прыгать, братец, не должны.

А подпрыгнем — ну и крышка:
Косточек не соберёшь!..
Ты — бездельник и пустышка —
Можешь прыгать сколько хошь!

— Вот как! Так вы ещё и ругаетесь? — обиделся мячик. — А откуда вы знаете, что я внутри пустой?

Сказать по правде, он таки был внутри пустой. Но ему совсем не нравилось, когда кто-нибудь об этом напоминал.

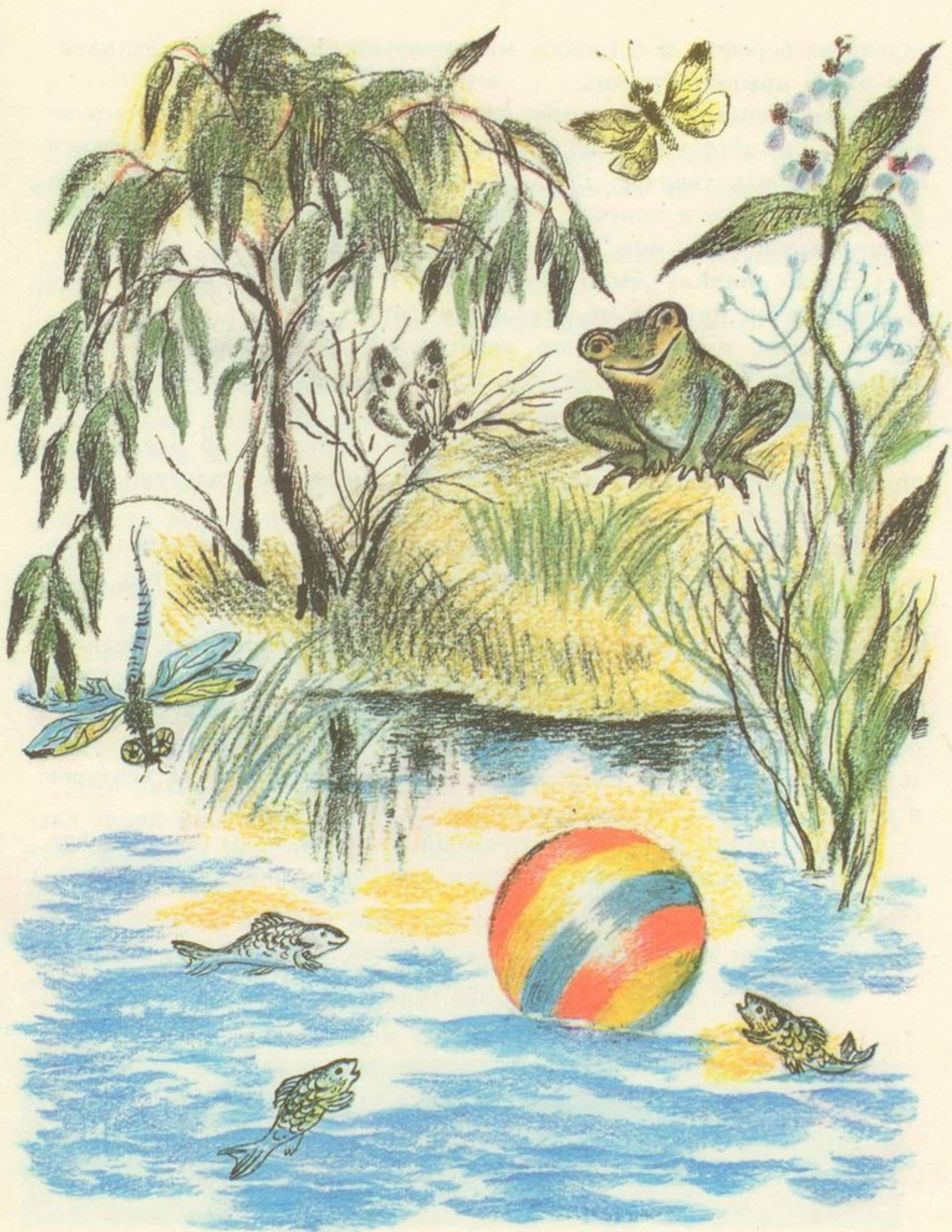
— Смотри какие гордые! Спаси хоть отбавляй! А не скачете вы потому, что вас ботва держит. Ну и сидите на привязи!

И мячик поскакал вниз под горку, к речке, весело распевая:

— Я Скок-Поскок,
Мой красный бок,
Мой синий бок
Показываю люду.
Лежать спокойно не привык,
Всё время — скок,
Всё время — прыг!
И вечно прыгать буду!

С этими словами он подпрыгнул как только мог высоко и упал прямо в речку.

— Ну-ка, попрыгай теперь! — сказала старая лягушка, что

сидела на бережку и слышала мячикову песню. — Ты ж хвалился, что вечно прыгать будешь.

Мячик понатужился, чтобы выпрыгнуть из воды, но ничего не вышло. Для того чтобы подпрыгнуть, ему нужно было удариться обо что-нибудь твёрдое. Вода же не твёрдая, а жидкая. Вот она и подхватила его и понесла, а он только крутился-вертелся, а подпрыгнуть никак не мог.

Сначала мячику было жутковато. Куда это вода несёт его? И неужели он никогда не сможет прыгать?

Но потом мячик немного успокоился, огляделся. Он увидел, что быстрое течение несёт его вдоль самого берега, где прямо в воду свисают ветви прибрежных кустов.

«Вот подплыву к самой толстой ветке, ударюсь об неё и подпрыгну!» — подумал мячик. Высмотрел он такую толстую ветку и ударился об неё изо всех сил.

Какой ужас!.. Мячик не заметил, что на этом самом месте торчал острый сучок. Он проткнул мячиков бочок, и в дырку хлынула вода.

— Тону! Тону! Помогите! — успел только выкрикнуть бедняга и пошёл ко дну.

Тут, может, и конец пришёл бы весёлому прыгуну... Но нет, он не погиб. В речке под берегом поставлены были вентеры — такие сети, которыми рыбу ловят. И вот в один из этих вентеров и попал наш незадачливый мячик.

Лежит мячик в вентере, тяжёлый, полный воды, и не знает, что с ним дальше будет. А вокруг вентера рыбки плавают туда-сюда и распевают:

— А в синей речке весело!
В воде чудесно жить...
Не хочешь ли ты, мячик,
С рыбками дружить?

Сбираемся мы стайками,
Играючи живём...

От щуки .
И от чайки мы
Мигом уплывём!

Вдруг как метнутся все рыбки врассыпную! Это зубастая страшная щука услышала их песенку и вынырнула из самой глубокой глубины.

Увидела, что все рыбки исчезли, злобно щёлкнула зубами и подплыла к мячику.

«Теперь-то уж мне конец! — подумал испуганный мячик. — Съест меня зубастое страшилище!»

И вдруг он почувствовал, что вентерь тянут кверху — из-под самого носа хищной рыбины!.. Вот уже из воды вытянули, вот уже бросили на песок.

— Что тут такое попалося? — удивился старый рыбак, наклоняясь над вентерем.

— Да это ж мячик! Не тот ли самый, что сегодня моему внуку из города привезли? Да! Конечно, тот самый! А Дмитрик с утра ревёт, что его мячик пропал!

И вот очутился снова наш Скок-Поскок в комнате, где сидели и стояли разные игрушки: две куклы, мишка, грузовик и кубики. Они его сразу и не узнали, такой он был несчастный, помятый и совсем не мог прыгать.

Дмитриков дедушка вылил из мячика воду, высушил его, потом взял такой клей, что склеивает резиновые вещи, и заделал дырку куском старой галоши. После этого мячик опять запрыгал, только уж не так высоко, как прежде.

И теперь он уже не хвастался перед всеми и никуда не хотел бежать. Ему и тут было хорошо: все игрушки подружились с ним, а мальчик Дмитрик полюбил его и охотно с ним играл.

СКАЗКА ПРО БЕЛОЧКУ И ЗАЙЧИКА, ВЕСЁЛЫХ ШАЛУНОВ

Живут себе в лесу дружки — зайчик да белочка. Зайчик ночью спит под деревом во мху, а белочка — на дереве вверху. И тогда всё кругом стихает, лишь ветер кустики колышет.

А как утром проснутся други, шум-гам по всей округе! Уж такие они шалуны-прыгуны-хохотуны. С утра до ночи поют, пляшут, скачут, визжат, воют. Маленькие, а всех беспокоят. Как начнут друг за другом

гоняться, через голову кувыряться, по пням барабанить и во всю глотку горланить!.. Листья на ветках колышались, птицы в страхе разлетаются, и мелюзга лесная шуршит-шебаршит — укрыться спешит. А лягушки прыг-прыг в болото... Кому в таком гвалте быть охота?! А зайчик и белочка — хоть бы хны! Знай себе тешутся шалуны...

Вот как-то и говорит им старая мудрая черепаха:

— Не хватит ли вам шуметь-озорничать? Или вы не боитесь злых зверей и птиц: волков, лисиц, хищных коршунов?

— Не боимся! Не боимся! — закричали зайчик и белочка. — Нету в нашем лесу ни волков, ни лисиц, ни страшных коршунов! Нам некого бояться!

— А вы бы лучше не хвалились, — сказала черепаха, — в соседнем лесу живёт очень страшная птица. Это старая-престарая ворона, большая-пребольшая, с сильным острым клювом. И кричит она страшно: «Кар! Кар!» Так что ведите себя тихо, а то прилетит, и будет вам лихо!

Зайчик и белочка притихли, переглянулись.

— Мы такой птицы никогда не видели! — говорят они.

— Вы много чего не видели, — сказала черепаха, — потому что ещё малы, не доросли. Так смотрите же, берегитесь старой вороны. Как услышите страшный крик: «Кар!» — уносите ноги и прячьтесь поскорее!

Сказала это черепаха и ушла по своим делам.

Но наши друзья притихли только на одну минуточку, а потом опять начали прыгать-верещать. И было им очень весело!

А тем временем старая ворона из соседнего леса всё разузнала об этих прыгунах. Вот она свой твёрдый клюв наточила, чёрные широкие крылья развернула, мигом сюда прилетела и на дубу среди поляны села.

Смотрит: по зелёной траве-мураве носятся двое шустрых малышей — зайчик и белочка. Один улепётывает, другой его догоняет, друг через дружку прыгают, в высокой траве катаются. Да ещё верещат и горланят так, будто их тут не двое, а целый табун. Хоть уши затыкай, чтоб не оглохнуть!

Посмотрела, посмотрела ворона да и думает:

«Подманю их поближе, чтоб мне, старой, за ними не гоняться... Не уйдут из моих когтей!» — и говорит им ласковым голосом:

— Здорово, малыши! Поклон вам от соседнего леса!

Услышали это зайчик и белочка, играть перестали, уши навестили:

— От соседнего леса? От того самого, где живёт страшная птица ворона? Вы знаете её?

— Знаю, знаю, — говорит ворона, сама про себя усмехаячись, — она-то, может, и страшна. А меня вы не бойтесь, подойдите поближе!

— Мы и не боимся вас, — сказали зайчик да белочка и приблизились на один шаг, — мы боимся только вороны. Но мы её никогда не видели и не знаем, какая она. От кого нам бежать?

— Играйте себе спокойно, — ещё ласковее говорит ворона, — как только та страшная птаха прилетит, я подам вам знак, тогда и бегите!

Зайчик и белочка подошли ещё ближе.

— А какой знак? — спрашивают.

— Вот так вот громко выкрикну... — И ворона разинула клюв и что было мочи гаркнула: — Кар!

Смотрит, а на лужайке уже нет никого, ни зайчика, ни белочки!.. Куда ж они подевались?

А они как услышали вороний крик, про который им черепаха рассказывала, да как драпанули в кусты, забились в самую гущу, сидят, дрожат, перешёптываются:

— Так это ж та самая ворона и есть!

А ворона посмотрела, подивовалась да и улетела прочь.

КАК ТАРАСИК ЗА МАРИСЕЙ ПРИГЛЯДЕЛ

У одной мамы было двое деток — Тарасик и Марися.

Тарасику было четыре года, а Марисе полтора. Она ещё только недавно научилась ходить. Так смешно ходила — расставит свои толстенные ножки и ходит с перевальцем, как уточка. Тарасик очень любил сестричку и всегда играл с нею.

Один раз на дворе был снег и холод. Марися набегалась по комнате и заснула. Мама и говорит сыну:

— Мне надо баранины к обеду купить. А если Марися проснётся, ты пригляди за ней, поиграй с ней, чтоб не плакала.

— Ладно, — говорит Тарасик. — Я ж твой старший сын и должен тебе помогать.

Мама взяла кошёлку и пошла. А Тарасик сел за стол и начал рисовать большой паровоз.

Только он нарисовал шесть круглых колёс, как слышит: просыпается Марися. Перевернулась на маминой кровати, свесила ножки — хочет сойти. А кровать высокая, ножки у Мариси коротенькие — до полу не достают. Уцепилась ручонками за одеяло, висит, ногами дрыгает.

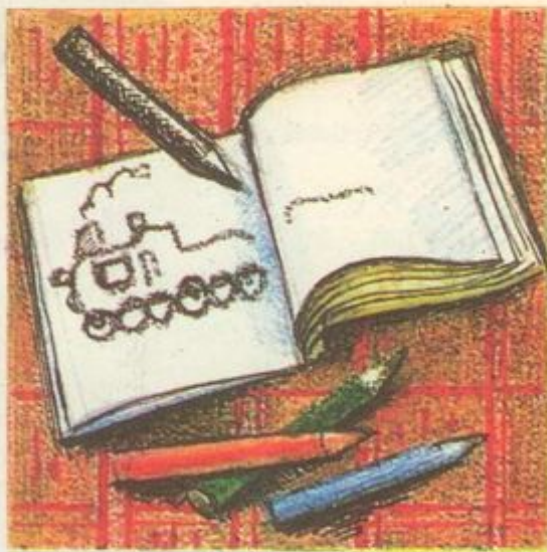
— Ах ты манюня! Даже слезть сама не можешь!

Схватил Тарасик сестрёнку под мышки, поставил на пол. Дал ей игрушку, а сам опять к своему паровозу.

Прицепил он к паровозу тендер с углем, машинистову будку нарисовал. Только кочегар в будке не поместился, его пришлось пририсовать сбоку.

Глянул — где ж Марися?

А она уже игрушку бросила, подобралась к шкафу, вытащила оттуда булку-плетёнку и с кончика откусывает.

— Ах ты манюня-дурнюня! — говорит Тарасик. — Разве ж можно от целой булки кусать? Дай я тебе отрежу кусочек.

Начал Тарас ножик искать. Искал-искал, нету нигде ножа. Наверно, мама его на верхнюю полку спрятала, чтоб не достали. Зато на столе ножницы лежат.

— Ничего, отрежу ножницами! Нельзя же Марисе голодной сидеть!

Принялся Тарасик ножницами булку кромсать. Ножницы тупые, хлеб мягкий — насилиу отрезал. Дал Марисе кусочек, а сам — к паровозу. Через всю бумагу протянулись рельсы, семафор открыт, стрелочник с красным флагом стоит. А из трубы дым закрутился, закрутился, аж на бумаге места не хватает.

А Марися тем временем хлеб доела и опять — к шкафу. Отворила дверцы, а там на нижней полке банка с вареньем — открытая: мама, наверно, забыла её закрыть. Запустила туда Марися руку, набрала варенья прямо в горсть — и в рот. Вкусно!

А Тарасик думает:

«Что это Марися так тихо сидит и не слышно её?»

Посмотрел — ой, беда!

Вскочил да к ней. Тянет её от шкафа, Марися плачет, ещё варенья хочет.

Затворил Тарасик шкаф и стулом припёр. Теперь надо Марисю выручать.

Поставил Тарас тазик на стул, в тазик налил воды, начинает Марисю мыть. Только стул высокий, никак ей до воды не достать. Как вцепилась она в тазик, тазик как опрокинется — Марисю всю водою залило, и на полу здоровенная лужа. Не лужа, а целое море!

Марися испугалась — плачет. Тарасик тоже плачет, тянет с маминой кровати какую-то тряпку, чтобы лужу затереть. Тут пришла мама.

— Тарасик!!! Что это ты моей новой шалью пол вытираешь?

Выхватила она из его рук шаль, вытерла лужу тряпкой. Марисю переодела в сухое и успокоила. Ножницы на место положила, варенье чистой бумагой накрыла и крепко завязала.

Вечером, когда Марися уже заснула, Тарасик лёг в кроватку и говорит маме:

— Когда мне будет пять лет, я никогда не буду лужи шальями затирать. А потом мне будет шесть, а потом семь, а потом восемь, и я буду совсем большой, и буду ходить на работу, как папа, и зарабатывать денежки.

— На что ж тебе денежки? — усмехается мама.

— А я их отдам тебе, чтоб ты купила баранины к обеду! — говорит Тарас...

ПРО НАШИХ СКВОРЦОВ

Когда наступила весна, в наш посёлок прилетели скворцы.

Прилетели и начали устраиваться в гнёздах. Старые скворцы летели туда, где жили в прошлом году.

— А куда ж нам с тобой деваться? — сказал один молодой скворец своей подруге-скворчихе.

Они в прошлом году были ещё птенцами, в тёплых краях побывали впервые и теперь вернулись домой.

— Где ж нам поселиться? — говорит он. — Нам тесно будет в одной скворечне с родителями!

— А вы теперь живите отдельно, — говорят старые скворцы. — Вон на соседней усадьбе раньше не было скворечни, а теперь есть. Видите, висит на высокой сосне? Летите поскорей туда и поселяйтесь. Спешите, ведь как-никак весна на дворе. Пора яйца класть да птенцов высиживать!

— Боязно маленько, — пискнула молодая скворчиха, — ну-ка кто-нибудь на нас нападёт?

А старые скворцы отвечают:

— Не бойтесь! Ведь мы тут, неподалечку. Да и в том дворе тоже есть скворцы-соседи. Чего ж вам бояться?

Не знаю, такой ли был разговор меж скворцами, что прилетели из тёплых краев, или не такой, только двое молодых скворцов поселились в новой скворечне, которую мы недавно повесили на сосну поблизости от нашего дома.

Мы были так рады! Приятно, когда совсем рядом летают, хлопчут весёлые птички, поблёскивая своими чёрными в крапинку перьями. Летают, поют-заливаются да ещё и обирают разных

вредных червей-гусениц с наших яблонек и вишен. Очень полезны эти скворушки!

В начале мая скворчиха положила четыре или пять яиц в тёплое гнёздышко, и начали скворцы их насиживать. Сидели оба, по очереди: пока один сидит, другой летает — червяков да личинок выискивает, гусениц поедает...

Вот уж и неделя прошла — всё тихо, мирно.

Мы знали, что ещё неделька пройдёт и вылупятся птенчики. Тогда уж оба, и отец и мать, возьмутся за работу — будут летать-хлопотать, детям всякую пищу носить... А потом и птенцы вылетят из гнезда, наберутся силы и умения, чтоб осенью лететь в тёплые края.

Но вот как-то утром, только мы вышли на крыльцо, вдруг слышим: крик, плеск крыльев, отчаянные вопли несутся от той сосны, где была скворечня.

— Помогите! Спасите! — кричали наши скворцы. — Вр-р-раг! Вр-р-раг! Спасите!

И тут же видим: со всех дворов, отовсюду стрелою несутся птицы!.. И из соседних и из дальних скворечен скворцы, услышав крики наших молодых, кинулись к ним на подмогу.

Кричат, суется, крыльями машут, кружатся над скворечней, бросаются все вместе на ближнюю невысокую сосенку... Что ж там такое?

Мы присмотрелись — а на той сосенке, прижавшись к стволу, среди густой хвои сидит рыжая белка. Сидит, дрожит с перепугу. Так вот оно что!

Эта белка, наверно, думала полакомиться скворчиными яйцами.

«Дай, — думает, — я этих молодых да глупых напугаю, выгоню из гнезда и ухвачу яичко!»

Да не тут-то было! Услышав крик молодой пары, все скворцы слетелись выгонять врага.

Насилу белка урвала подходящую минутку, прыгнула с той сосенки на другую, оттуда — на третью, дальше и дальше. А скворцы все — за нею, целой стаей, кричат ещё пуще, бьют крыльями. И так они гнались за ней, пока не доскакала белка до забора, перемахнула на ту сторону — на сосну и пропала в лесу. Скворцы вернулись в свои домики, всё ещё взволнованно обсуждая происшествие.

— Теперь уж не осмелится на нас нападать! — сказала молодая скворчиха и, успокоенная, вернулась в гнездо.

— Ещё бы! — откликнулся скворец и весело запел свою песню.

Вот так мы видели собственными глазами, как птицы стоят все за одного и один за всех. И мы ещё больше полюбили наших крылатых друзей.

...И ПРО НАШУ БЕЛОЧКУ

Сидим мы как-то на терраске. Вдруг слышим над головою: туп-туп-туп — кто-то вроде пробежал по шиферной крыше. Пробежал туда, а потом — туп-туп-туп! — обратно.

— Что такое? — дивуемся.

— Да это же белка! Вон-вон по сосне спускается.

А тут же у терраски стояла высокая сосна. Вот белка и прыгнула на неё с крыши, спустилась и убежала. Однако через минуту видим: белка опять взбегаёт по сосне. И во рту что-то держит.

— Что держит? Мячик или ещё что-нибудь?

— Да разве это мячик? Разве не видишь — хвостик рыженький свисает!

И правда: это она несла маленького бельчонка. Мелькнула над нашими головами — и назад, уже без бельчонка.

Ну, мы, конечно, вышли, поглядели и поняли: около терраски, под крышей, было окошечко с чердака, а над ним навес. Вот тут, в затишке меж навесом и крышей, нашла белка подходящее местечко и сделала гнёздышко для своего несмышлёныша.

Теперь мы каждый день подстерегали белку, чтобы видеть, как она носит еду своему малышу — жёлуди, или орешки, или кусочки хлеба, которые мы для неё раскладывали у терраски.

Вскорости начала белка спускаться вниз уже вместе с бельчонком. А ещё через какое-то время старая белка совсем исчезла — наверное, увидела, что бельчонок сам может за себя постоять и жить своим умом. Вот тогда и началась наша дружба с бельчонком.

Сидели мы как-то раз за столом — завтракали или обедали. Двери на терраске распахнуты.

Вдруг в дверях — молодая белочка. Села у порога на задние лапки, смотрит на нас, разглядывает. Мы ей — хлебца, сухарика... А она прыг, прыг! Не боится совсем, берёт еду прямо из рук. Так и начала к нам на терраску бегать запросто, как к себе домой. Да разве только на терраску!

Как-то лежу я рано утром в своей комнате. Двери отворены — теплы летние ночи.

Слышу: шебаршит кто-то под кроватью. Неужели мыши завелись?.. Смотрю: вылезает из-под кровати наша белочка! Села на коврик и поглядывает на меня своими чёрными глазками:

«Что ж это ты, бабуся, лежишь, не встаёшь? Уже солнышко взошло, так на дворе славно!»

А тем летом у меня гостило много родичей: и сёстры мои, и племянники, и внуки. Разбредутся, бывало, кто куда — в лес, на речку, в сад, на огород. Как всех собрать к столу?

А у меня был старинный звоночек — медный, голосистый, да ещё надпись на нём чеканная: «Дар Валдая». Как придёт время обеда или ужина, позвоню я в этот звонок, так все сразу и при-

бегут. Только усядутся, а уж белочка тут как тут. Присядет у дверей — ждёт, чтоб её попотчевали.

А один раз было так: я только что позвонила, никто ещё не успел прийти, а белочка первой прискакала.

Присела, как всегда, смотрит:

«Что ж это никого нету?»

Раньше я думала, что белка прибегает за людьми: куда все, туда и она. А оказывается, она звоночек услышала и поняла — обедать зовут.

Привыкла белочка к нашей компании. Где все, там и она. Одна никак не хотела оставаться. Видать, скучно ей было.

И вот стало холодать, приближалась осень.

В один прохладный день мы обедали в комнате, потому что веранду продувал северный ветер. Двери затворили, сели к столу. И вдруг слышим: стук-стук! Смотрим, а за окном белочка. Прицепилась за форточку снаружи и заглядывает в комнату:

«Где ж вы все? Меня тут одну оставили!»

Мы скорей отворили форточку, она так и свалилась к нам, прямо мне на плечо. Рада-радехонька, что нашла нас, и мы приняли её в свою компанию.

Вот такая была у нас дружба с белочкой. Но белки быстро растут: за какие-нибудь три месяца становятся взрослыми. Незаметно подросла и наша белочка.

Однажды у нашего дома появились другие белки, и наша белочка присоединилась к ним. Прыгала, прыгала вместе с ними по соснам, а потом вместе с ними и подалась в лес. К нам она уже не вернулась.

А вскорости и все мои гости разъехались по домам, и голосистый звоночек уже больше не звенел, скликая всех к столу.

КОГДА Я БЫЛА МАЛЕНЬКАЯ

ЧЕТЫРЕ СЕСТРИЧКИ

Я помню, как я была совсем-совсем маленькая. Было мне три года. У меня было две сестрички: Аля — на год старше меня и Маня — на год меня моложе.

Вот один раз нам говорят:

— У вас народилась ещё одна сестричка. Пойдёмте, посмотрите на неё!

Повели нас в мамину комнату. Мама лежала на постели больная и улыбалась нам. А возле неё, в колыбельке, что-то такое — завернутое в пелёнки, как кукла.

— Вот ваша сестричка, — сказала мама, — зовут её Варя.

Мы с Алей посмотрели: такая она малюсенькая, эта сестричка. Еле видно из-под пелёнок её красноватое личико и открытые глазки. А мы-то думали, что новая сестричка сразу побежит с нами играть!

Вот так и стало нас четверо: Аля, Тася, Маня и Варя.

КАК Я ПРИДУМАЛА ПЕРВЫЙ СТИШОК

Мы все очень любили стихи и много знали их наизусть. Наша мама петь не умела и, когда баюкала нас, читала нам разные стихи. А мы их запоминали. И ещё мы любили рисовать и раскрашивать свои картинки цветными карандашами. Сидим, бывало, за столом, рисуем и все вместе, хором читаем любимые стихи.

Один раз сидели вот так, рисовали, вдруг я и говорю:

— Арифметика
Любит свою Метику,
Часто гуляет,
Та её встречает!

— Что это за стишок? — говорит Аля.

— Это я сама придумала, — говорю я.

— Мама, мама! — закричала Аля. — Тася сама стишок придумала. А что такое «арифметика»?

А я и сама не знала! Просто где-то услышала такое слово, и оно мне понравилось. Я думала, что это имя и что так зовут какую-то сказочную красавицу. А у неё есть подруга — Метика. Это я уж придумала, чтобы складно да ладно было.

Потом, когда я немного подросла и мне стало лет семь-восемь, я уже много стихов и сказочек сочиняла и сама над собой смеялась, что когда-то такой глупый стишок сложила. Иногда только мама, бывало, спросит, когда мы возвращались с прогулки:

— Ну, как гулялось? Арифметику часом не видели — или она там всё ещё гуляет со своей Метикой?

КАК МЫ УЧИЛИСЬ ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ

Ещё в августе Але исполнилось шесть лет. Когда настала осень, мама сказала:

— Аля уже большая. Она знает все буквы. Теперь ей надо на-

чинать по-настоящему учиться — читать, писать и считать... Завтра будет первый наш урок.

— Я тоже знаю все буквы! — сказала я.

Мама усмехнулась и посмотрела на нас обеих. Аля была высокая девочка, а я, хоть и моложе её только на год, но ростом куда меньше её: маленькая и кругленькая. Но мы с Алей привыкли везде и всегда быть вместе. Почему же теперь ей надо начинать учиться, а мне нет?!

— Я тоже знаю все буквы, — обиженно сказала я ещё раз.

— Ну что ж, — сказала мама, — учись и ты вместе с Алей. Вдвоём будет веселее.

На другой день посадили нас за стол, положили перед нами тетрадки и букварь и мы начали складывать слова из букв и писать палочки.

Складывать слова из букв мы научились быстро — и Аля и я. Я даже не помню, как это случилось. Помню только, что я уже читала сама, без мамы, детскую книжку, напечатанную крупными буквами. Прочитаю две-три строчки, поставлю крестик карандашом и горжусь: вот до каких пор я дочитала! И стала я читать всё, что попадалось на глаза: разные заголовки и объявления в газетах или вывески на улицах.

Как-то в доме, что стоял против наших окон, открывался новый магазин. К синей доске-вывеске рабочие прикрепляли большие буквы. Рабочие в белых фартуках стояли на стремянках, а мы сидели на нашем окне и с интересом наблюдали, как они прикрепляют буквы и что из этих букв получится.

Вот прикрепили одну букву... другую...

— О! — сказала Аля.

— К! — сказала я.

Вот уже и третья буква — опять О. А дальше — Л...

— О-К-О-Л — ОКОЛ! — прочитала я.

Еще раз — О... и наконец — М. Рабочие спрыгнули со стремянок, — значит, работа окончена.

— ОКОЛОМ! — прочитала я и удивилась: — Ничего не понимаю. Может, не по-нашему? Чем же тут будут торговать?

Аля вдруг начала смеяться.

— Мама, — кричит, — послушай, как Тася вывеску прочитала: ОКОЛОМ!

Мама посмотрела и тоже засмеялась. А потом говорит:

— С какого же ты боку начинала читать, Тася?

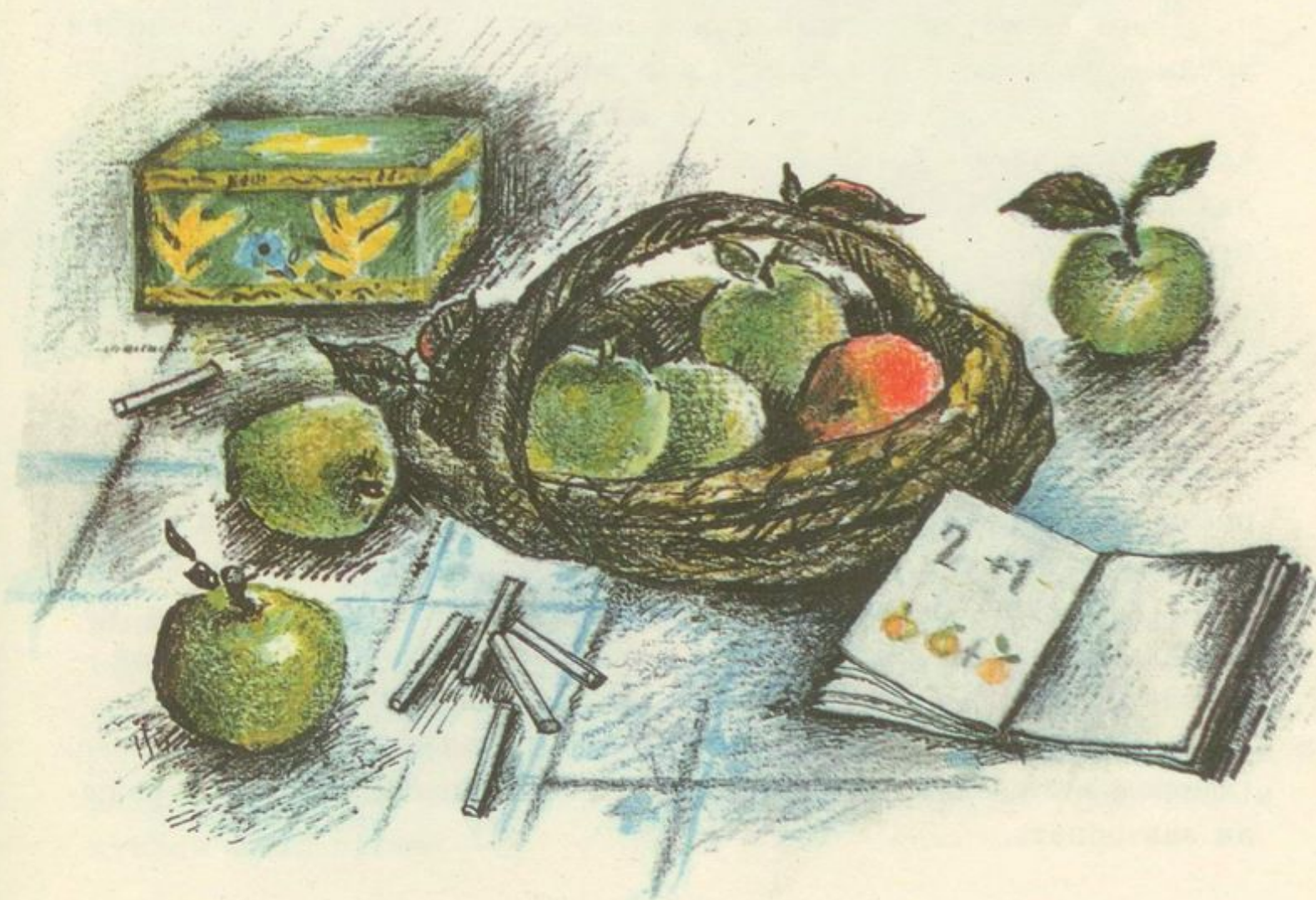
А я уж сама догадалась: я читала так, как рабочие прикрепляли буквы, а они почему-то справа начали, им, может, так было удобней. Если же прочитать как следует — слева направо, то выходит всем понятное: МОЛОКО!

«Вот как интересно, — думала я, — если читать сзади наперёд, слова такие удивительные и красивые выходят!»

И мы, когда подросли и хорошо знали, как надо читать, любили, шутя, вот так перевёртывать слова. Я даже своё имя сделала перевёртышем: мне казалось, больно уж здорово получается — ЯСАТ АЛИБАЗ.

ЯБЛОКИ ПОМОГАЮТ

Мы не только писали палочки и читали. Начали мы тогда и учиться считать: сколько будет один да один, два да три или от трёх отнять два... Аля хорошо, быстро считала. А я никак не могла понять: что с чем надо сложить, что от чего отнять.

— Сколько будет два да один? — спрашивает меня мама.

Аля так и рвётся ответить, а я не понимаю!

— Вот слушай, — говорит мама, — было у тебя два яблока, а тебе дали ещё одно. Сколько у тебя стало?

— Три, — отвечаю я.

— Правильно, три. А потом ты два яблока съела. Сколько осталось?

— Одно.

— Так сколько же будет — один да два?

— Чего два? — спрашиваю я.

— Да яблок!

— А кто — один?

— Яблоко!

А почему ж мама говорит «один»? Ведь яблоко не один, а одно...

Мама смеётся:

— Вижу, тебе без яблок не обойтись.

Долго после того считала я с помощью яблок. Как попадётся трудная задачка, я и вспомню про яблоки!

Потом, конечно, когда я стала постарше, то научилась и складывать, и вычитать, и делить, и множить, но всё-таки не очень любила эту АРИФМЕТИКУ, про которую когда-то сложила свой первый стишок!..

КАК МЫ ИГРАЛИ В КУКЛЫ

Хотя мы с Алей продолжали учиться вместе, но играли порознь. Аля кукол не любила, она любила играть в лошадки, бегать и прыгать. И даже рисовала только лошадей. Тогда машин ещё не было или было очень мало, по улицам люди ездили не на машинах, а на лошадях. Летом — в бричках, на колёсах, а зимой — на санях.

А мы с Маней играли в куклы. Кукол у нас было много. Вечером мы укладывали их спать, утром умывали, одевали и сажали завтракать.

Еда была обыкновенно такая: брали мы мякиш белого хлеба, крошили, смачивали водой из самовара и посыпали сахаром, а то выпрашивали у мамы немного варенья, чтоб вкусней было. Больно уж вкусна была эта куклина каша, как нам тогда казалось, — ведь мы, угощая кукол, сами её поедали.

А ещё интересно было шить куклам одежду. Мама давала нам разные лоскутки, и мы из этих лоскутков шили всё, что нашим куклам было нужно.

Сначала я так кроила кукле платице: брала длинненький лоскут, вырезала две дырочки, чтоб было куда просунуть руки, а потом — у шеи — завязывала тесёмочкой либо лентой.

Один раз мама посмотрела на мою работу и говорит:

— Ты не так делаешь, Тася. И некрасиво получается, и рукавов нету. Вот как надо кроить!

Она взяла лоскут и показала: надо перегнуть пополам, на сгибе вырезать одну дырочку — чтоб просунуть голову. А потом — под мышками — немного срезать ткань и сшить переднюю полку с задней по бокам, и выйдет хорошенькая одёжинка — кимоно.

— Ой, как хорошо! И совсем нетрудно сделать! — обрадовалась я.

С тех пор я полюбила шить.

И до сих пор люблю.

Однажды приехал к нам дядя — папин брат и привёз нам большую куклу. Она ехала в отдельном чемодане и была чуть-чуть поменьше Вари и гораздо больше нашего меньшого братика — Андрея. У этой куклы голова была фарфоровая, глаза закрывались и открывались, на голове кудри из настоящих волос. Красивая кукла и, наверно, шибко дорогая.

Посадили мы её на стульчик, в уголок, и не знаем, что с ней делать. На руки взять — тяжела. В платок не завернёшь, платица из лоскутка не сошьёшь. Как с ней играть?

Нет, всё-таки наши маленькие обыкновенные куклы лучше!

ЛЮБИМАЯ КУКЛА

А из этих обыкновенных маленьких кукол одна была самая моя любимая. Звали её Тася, как меня.

Она была у нас очень давно, и много на её долю выпало всякой всячины: ступни на обеих ногах у неё были отбиты, голова проломана, посередине лба — дырка. Приходилось голову платочком повязывать, чтоб не видно было. И всё-таки я любила её больше всех.

Вот настала весна, и мы собрались ехать на дачу. Мама укладывала в чемоданы всё, что необходимо взять с собой: одежду, бельё, посуду, ну и игрушки тоже.

Одела я свою Тасю как следует: хорошее платье, пальто, чулочки и башмачки на ножки, капорок на головку... И понесла маме, чтоб уложить в чемодан.

— Нет, — сказала мама, — зачем брать с собой старый хлам? Эту куклу мы не возьмём.

Я пригорюнилась, села в уголок и стала думать:

«Бедная моя Тася! Как же она останется одна в городе, в пустой квартире? Я буду гулять в саду, собирать ягоды-грибы в лесу, играть на песчаном берегу озера, а она тут будет скучать и плакать не видимыми никому слезами?.. И укорять меня за то, что я её покинула?.. Нет, это невозможно! Надо что-то придумать...»

И вот утром, когда нас одели и велели выходить из дому, чтобы ехать на вокзал, я тихонько проскользнула в детскую. Тася совсем наготове, одетая по-дорожному, сидела на стульчике. Я быстро схватила её и сунула под пальто.

Никто не увидел.

У подъезда уже стояли извозчики. Я осторожно, чтобы кукла не выпала из-под пальто, влезла в бричку.

Вот и вокзал.

— Беритесь за руки, дети, беритесь за руки! — хлопотала мама. Она боялась, как бы мы не потерялись в вокзальной суете.

Я мигом примостилась так, чтоб оказаться с краю: у меня ведь одна рука была занята — держала куклу через пальто.

Скоро подадут поезд.

Тут я должна признаться, какая я была трусиха: я страшно боялась паровозов. Когда подходил паровоз, фыркающая, сипя и гудя, я в страхе зажмуривала глаза и пряталась за чью-нибудь спину. Аля потом смеялась надо мной:

— А ты и не видела, не видела! Машинист сидел верхом на паровозе и подгонял его кнутом!

Наконец поезд остановился, грянули вагоны, и мы стали садиться. Все начали рассаживаться по лавкам, снимать пальто,

прощаться с папой, который, проводивши нас, должен был идти на работу. А я забилась в уголок и боялась снять пальто: ну как увидят мою Тасю! И папа заберёт её обратно, в пустую квартиру?..

И только когда поезд тронулся, а папа остался на перроне и все стали махать ему руками и кричать «до свиданья!», я гордо вытянула из-под пальто свою любимую куклу!

Мама не рассердилась. Она только засмеялась и сказала:

— Ну что ж, неплохо, что ты так любишь своих старых друзей! Вот такая была история с моей любимой куклой.

ХОТЬ ТАКОГО ОСТРОВА И НЕТУ...

Все дети любят делать что-нибудь «всамделишное», некукольное: как, например, испечь пирожок не из песка, а настоящий, из кусочка теста, который можно поставить в духовку вместе с мамиными пирожками...

А когда копают огород, то не камушек в землю положить, а настоящее семечко.

Каждый год, когда мы приезжали на дачу, мама вместе с нами вскапывала небольшую грядку. Мы сеяли на ней редиску, салат. Сажали горох... Потом поливали каждый день из наших маленьких леечек и пропалывали — вырывали сорняки. И так было весело наблюдать, когда вдруг начинали лезть из земли зелёные росточки! А потом росточки подрастали, развивались, — вот уже и кругленькая красная редисочка выпячивается из земли... Вот и горох уже вьётся по тычинкам, и на нём появляются сначала белые, похожие на мотыльков цветы, а потом ярко-зелёные лопаточки-стручки. Какие ж они сладкие, разве на рынке такие можно купить?! А всё потому, что мы сами их вырастили. Подходила ягодная пора. Мама начинала варить варенье. Ну, тут уж нам было по горло настоящего дела: надевши фартучки, мы собирались всей гурьбой чистить ягоды. Было очень весело. Ведь самое лучшее варенье не из покупных ягод.

Кругом — в лесах и на просеках, в заросших кустами балочках начинали поспевать земляника, черника, малина... Сладко есть ягоды прямо с куста, а ещё слаще принести домой полные кузовки — маме на вареники, на пироги, на варенье!

Когда мы немного подросли — мне было лет девять, — мама подарила мне совсем настоящий, только маленький тазик для варенья и научила, как его варить, сколько класть сахара, как снимать пенку и как узнавать: готово оно или нет? Да ещё и быть осторожною у горячей плиты.

Представляете, как всё это было интересно: мама варит, и я варю. А потом складываю своё варенье в маленькие баночки. И мы с Маней и Варей, со всеми нашими куклами садимся за маленький

стол и пьём чай из кукольных чашечек, со своим собственным, настоящим вареньем.

Вот так-то варили мы с Маней варенье из райских яблочек. Варили, варили да и переварили! Сняли тазик с плиты, остудили, а оно загустело. Только и видно прозрачные золотые яблочки в застывшем сахаре.

— Это ничего! — сказала мама. — Выньте яблочки из сахара, обваляйте их в сахарной пудре и сложите в коробку, и получатся у вас такие конфеты — засахаренные фрукты.

Мы обрадовались. Нашли красивую коробку из-под конфет, уложили в неё рядками обваленные в пудре яблочки, а на коробку наклеили бумажку с ярко раскрашенной надписью:

**Конфетная фабрика
«Тасмания».**

Мы знали, что где-то на свете в океане есть такой остров, — почему бы и нам не взять такое подходящее для нас название? ТАСЯ и МАНЯ — ТАСМАНИЯ. Но Варя, которая, конечно, была тут же и помогала чем могла, услышала это и захныкала:

— Вот всегда так: Тася и Маня! А я? Это неправильно! Надо: ТАСМАНВАРИЯ.

Мы с Маней переглянулись. И правда, зачем Варю обижать?

— Не плачь, — говорим, — будешь и ты с нами!

И поверх той надписи мы наклеили новую, ещё краше, ещё ярче:

**Конфетная фабрика
«Тасманвария».**

Неважно, что такого острова нигде в океане нету. Всё равно это было очень хорошее название!

Для дошкольного возраста

Наталия Львовна Забила

ВЕСЕЛЫЕ ДРУЗЬЯ

Рассказы и сказки

ИБ № 2736

Ответственный редактор Н. А. Терехова
Художественный редактор А. Б. Сапрыгина
Технический редактор Е. В. Пальмова
Корректор Е. И. Щербакова

Сдано в набор 28/III 1978 г. Подписано к печати 18/VIII 1978 г. Формат 84×108/16. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,46. Уч.-изд. л. 3,28. Тираж 150 000 экз. Заказ № 261. Цена 25 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

3 $\frac{70801-442}{M101(03)78}$ 042—78

© Перевод на русский язык. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.